

РОДОМАН Борис Борисович / Boris RODOMAN

| Традиционный культурный ландшафт: основные проблемы типологии, районирования и воображения |

РОДОМАН Борис Борисович / Boris RODOMAN

Россия, Москва.

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва.

Центр гуманитарных исследований пространства.

Ведущий научный сотрудник, доктор географических наук.

Russia, Moscow.

Russian Scientific Research Institute of a cultural and natural heritage.

Center of Humanitarian Research of space.

bbrodom@mail.ru

ТРАДИЦИОННЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ, РАЙОНИРОВАНИЯ И ВОООБРАЖЕНИЯ

Типология и районирование — важнейшие методы выявления типичных образцов традиционного негородского ландшафта, заслуживающих сохранения в качестве особо берегаемых территорий. Проблемы рассматриваются применительно к европейской части России, конкретные типы и районы ландшафта выделены в Подмосковье.

Ключевые слова: типология, районирование, культурный ландшафт, сельская местность, исторические провинции (области), Север и Юг Русской равнины

Traditional Cultural Landscape: Basic Problems of Typology, Regionalization and Imagination

Typology and regionalization (zoning) are the major methods representing typical samples of the traditional exurban landscape, which deserves preservation as uniquely protected areas. Problems are considered with regard to the European part of Russia, specific types of landscaped areas, such as those in and around the environs of Moscow.

Key words: typology, regionalization (zoning), cultural landscape, the countryside, historical provinces (areas), the North and South of the Russian plain

Одним из важнейших и самых ценных компонентов наследия любой страны является её традиционный, преимущественно негородской, культурный (антропогенный) ландшафт, в наши дни быстро исчезающий под напором урбанизации и глобализации. Типичные фрагменты такого ландшафта заслуживают сохранения и восстановления в виде разного рода музейно-заповедных территориальных комплексов. Но что именно считать такими фрагментами, каковы их размеры и границы? Ответы связаны с методологией классификации и районирования, которой занимается теоретическая география¹.

1. Русская деревня как реликт

В средней полосе России традиционная деревня, населённая постоянными жителями — крестьянами, занимающимися земледелием и скотоводством — это уже реликтовое явление. Исчезающие крестьяне в сельских домах сменяются, как правило, не фермерами, а дачниками. В сохранившихся «агрокомплексах» трудятся наёмные рабочие, приехавшие из других регионов и стран. Вблизи городов, а также в местах более удалённых, но связанных хорошими дорогами со столицей, традиционная деревня превращается в сезонные (летние) поселения — дачные и коттеджные посёлки, а вдали от автодорог и вовсе исчезает. Окружающие её заброшенные поля зарастают сорняками и лесом.

Там, где желательно и возможно восстановление сельского ландшафта для создания некоторого музея-заповедника, встаёт вопрос: на какую историческую эпоху нам надо равняться? По моему мнению, в далёкое прошлое углубляться не следует. Достаточно охватить первые две трети XX в. Из этой эпохи можно взять любой короткий период, когда в селе ещё жили «настоящие крестьяне» (теперь уже не столь важно, одиночники или колхозники), построившие себе дома по образцам, заимствованным у соседей и предков. Посёлки совхозов и лесспромхозов с их стандартными зданиями в эту категорию по видимому не входят, хотя, возможно, наступит время и для их музеефикации.

¹ Родман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. — Смоленск: Ойкумена, 1999. Родман Б. Б. География, районирование, картоиды. Сборник трудов. — Смоленск: Ойкумена, 2007.

Традиционная русская деревня как объект познавательного туризма не лишена эстетических качеств; более того, она местами выглядела довольно красиво, особенно в последней фазе своего существования. После укрупнения колхозов и преобразования части из них в совхозы прекрасными образцами сельского пейзажа стали малые периферийные деревни, постоянными жителями которых были только местными пенсионерами. На все лето к ним приезжали дети и внуки из города. Асфальтовая дорога, а с нею и множество автомобилей до такого села не доходили; окружающие поля ещё обрабатывались колхозом, но по улицам ездить было запрещено; в такой деревне уже не было ни постоянного магазина, ни школы, там не рождались дети и почти не было постоянных жителей трудоспособного возраста. В планах начальства эти поселения числились «бесперспективными», колхоз там ничего не строил, не работали приезжие рабочие; ландшафт не уродовался машинами, но электричество не было отключено, а почтальоны приносили письма и пенсии.

Бревенчатые избы, не всегда обшитые досками, травянистые улицы с многоярусной растительностью, включающей деревья и кустарники, гуси и утки в оставшихся запрудных и в крохотных выкопанных прудах, козы и куры, собаки и кошки во дворах и на улицах, золотые шары и георгины в палисадниках, резные наличники на окнах, добрые бабушки на скамейках и копошащиеся старики на приусадебном участке, уже лишённом коров (часть времени, предназначавшегося для них, безвозвратно отдана телевизору) — такой запомнилась «натуральная» деревня ныне живущим россиянам — не только «уходящим поколениям», но и людям среднего возраста. Вероятно, хотя бы такую (экономически несостоятельную, но художественно цельную) деревню нам стоило бы кое-где сохранить как объект экскурсий и натуру для живописи и киносъёмки, сохранить на её настоящем месте, а не только в виде выставки из построек, свезённых в городской «музей под открытым небом» (О сельском туризме и рекреационной деревне-гостинице не говорю, это особая тема).

2. Сельская местность в рамках региона

В качестве минимальной территориальной единицы особо берегаемой музейно-заповедной исторической территории я предлагаю брать сельскую местность, понимаемую как индивидуальный узловой район² низшего ранга — территорию, охватывающую одно сельское поселение или агломерацию (куст, гроздь) деревень, окружённых единым массивом угодий, обрабатывавшихся и использовавшихся так или иначе данной общиной сельских жителей в годы максимального экономического и демографического расцвета. В качестве элемента того или иного национального парка эта сельская местность может быть более естественной, живой, подлинной, или искусственной, музейной и мумифицированной, декоративно-игровой, в зависимости от наличия или отсутствия в ней коренных местных жителей, ведущих привычный образ жизни, или заменивших их музейных работников, изображающих собою аборигенов. В роли заинтересованных «туземцев» могут подвизаться и некоторые категории дачников. Так, на роли реаниматоров тра-

диционной деревни претендуют некоторые слои творческой интеллигенции, скупившие избы и живущие всё лето, а иногда и круглый год, на так называемом «Русском Севере», да и в других природных зонах. Они, как им самим кажется, ведут там полусельский образ жизни, способствующий сохранению хотя бы жилых домов³. Иными словами, в конкретную сельскую местность входят все виды земель и вод, некогда использовавшихся её жителями, т. е. и водоёмы, и часть окружающих лесов, если таковые имеются. По соседству с данной сельской местностью располагаются другие сельские и городские местности, не получившие статуса «особо берегаемых» и визуально изолированные от заповедника лесной растительностью или выпуклостями рельефа так, чтобы не портить заповедный пейзаж, не разрушать у посетителя иллюзию слияния с традиционной деревней.

Я не случайно предлагаю слово «особо берегаемые». Международным англоязычным термином *protected area* следовало бы переводить на русский язык как «особо берегаемые», а не «особо охраняемые» природные и культурные территории. Особо охраняемыми в нашей стране издавна являются правительственные дачи и военные полигоны, а ныне — усадьбы и латифундии олигархов, элитные коттеджные посёлки и тому подобные хорошо огороженные объекты. Напротив, организованные государством природные заповедники и памятники истории и культуры реальной охраной не обеспечены, они беззащитны, их «охраняемость» сплошь и рядом оказывается фикцией.

Но для какого региона заслуживающая особого бережения сельская местность типична и репрезентативна? Черты какой, гораздо более обширной территории она правдиво представляет?

Универсальными ячейками жизни общества в российской провинции стали регионы — «субъекты Российской Федерации» (края, области, республики), из их рамок не может вырваться никакая регулируемая государством деятельность. Как правило, каждый такой регион стремится сосредоточить максимум музейных объектов в центральном городе и его ближайших пригородах, а на окраине административной области иметь хоть где-нибудь природный национальный парк, как правило, не согласованный и не граничащий с аналогичным парком соседнего региона. Однако такие административные регионы для демонстрации типичной сельской местности не годятся — они слишком велики и внутренне разнообразны. Например, Московский регион (Москва плюс её область) по площади больше Швейцарии, а Тверская область чуть больше Австрии; республика Коми намного обширнее Финляндии. Поэтому ни о какой типичной тверской или зырянской деревне говорить не приходится — для выявления особенностей сельского ландшафта нужны территориальные единицы поменьше.

При всём кажущемся с первого взгляда однообразии гигантской Восточно-Европейской (Русской) равнины на ней различаются возвышенности и низменности, речные долины и плакорные пространства; сохранённые людьми «полевья» и

² Там же.

³ Нефёдова Т. Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. — М.: Новое издательство, 2003. Нефёдова Т. Г., Пэллот Дж. Незвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? — М.: Новое издательство, 2006.

порождённые вырубкой лесов и распашкой «ополья». Различия в климате и растительности внутри каждого региона тоже существенны.

Культурный ландшафт формируется взаимодействием людей с окружающей природной средой. Решающую роль в этом процессе сыграли первые поселенцы разных этнических групп и племен, их трудовые навыки и обычаи, которые постепенно изменялись, приспосабливаясь к новой среде. Из этого рассуждения следует, что для чёткой фиксации особенностей сельского расселения надо учитывать два почти равносильных фактора — физико-географический и субэтнический. На их сочетании должно быть построено особого рода специальное (тематическое) районирование, которое можно назвать культурно-историческим или ландшафтно-историческим.

3. Исторические провинции

Образцом и основой культурно-исторического районирования могут быть существующие в зарубежной Европе исторические провинции — такие, как Нормандия и Прованс во Франции, Валахия и Молдавия в Румынии, Вольты и Подолы в Украине. В основу региональной группировки экспонатов для первого в бывшем СССР музея крестьянского быта в Риге (устроенного, очевидно, в подражание стокгольмскому Скансену) были взяты четыре исторические провинции Латвии — Видземе, Курземе, Земгале и Латгале. (В советское время рижскому музею предлагали отказаться от регионального деления и перейти к классовому принципу — показывать типичные дворы кулака, середняка и бедняка).

Замечательной особенностью России оказывается тот факт, что традиционные исторические провинции ей не свойственны. Единственным исключением является одна такая провинция западно-европейского типа — Ингерманландия, с чёткими границами, зафиксированными документально (как бывшие границы России и Швеции) и на половине своего протяжения совпадающими с берегами (речными, морскими и озёрными). В остальном наша страна выглядит более аморфной. В ней существуют ядра, возглавляемые всё теми же областными (губернскими) городами, и сферы их влияния, опять-таки полностью тождественные административным единицам. Население соотносит себя с этими центрами и их областями. Последние, правда, неофициально и «поэтически», иногда называются «землями» и «краями» (Калужская земля, Костромской или Вятский край) или «обогащаются» на украинский лад суффиксом -щина (Смоленщина, Рязанщина), но реального отрыва от бюрократической сетки это не даёт и сути дела не меняет.

Отсутствие привязки себя к «истинно географическим», а не к административным областям Л.В. Смирнягин назвал одним из признаков якобы присущей русскому этносу аспатильности (непространственности)⁴. М.П. Крылов смягчил эту слишком категоричную концепцию, утверждая (и отчасти принимая желаемое за действительность), что подобие исторических провинций ощущается частью населения ментально, т. е. эти районы всё-таки «существуют» как вернакулярные и

виртуальные; однако и они подозрительно прочно привязаны к «губерниям»⁵.

В сложившейся ситуации нам не остаётся ничего иного, как попытаться сконструировать культурно-историческое районирование России самостоятельно. На первых порах за основу можно принять физико-географическое районирование, тем более, что оно по форме подобно привычному для нас административно-территориальному делению. Ещё в середине XX в. отечественные географы разделили всю территорию СССР на природные страны, зоны, области, провинции, районы⁶, а в местах выборочных детальных исследований — на местности, урочища, фации⁷. Эти ареалы, наделённые таксономическими рангами, изображены на карте способом дифференцированного (цветного, качественного) фона, при котором соседние районы иногда окрашиваются в разный цвет не только для различения по контрасту, но и потому, что относятся к разным типам; цветной фон может показывать классификацию районов. Образцы таких карт имеются в российских региональных атласах, справочных и учебных.

Нет оснований сомневаться в том, что любая единица природного (физико-географического) районирования определяет особенности традиционного землеприродопользования и, стало быть, прямо или косвенно влияет на характер сельского расселения. Но такая концепция не означает уступки географическому детерминизму. Привязка искомым типам сельских местностей к природным районам — это лишь первый шаг, за которым должно последовать наложение на физическую географию других факторов, изучаемых культурологией.

4. Три сектора Подмосквья

Гипотеза о связи типов сельского расселения с природными районами блестяще подтвердилась на примере Московской области. Или, выражаясь строже и точнее, эта связь здесь, случайно или неслучайно, оказалась очень тесной⁸.

К северо-западу от столицы, на Московской возвышенности, среди остатков традиционной застройки преобладают избы с двускатными крышами, с коньком, перпендикулярным дороге, стоящие редко, свободно, с прозрачными изгородями из немногих горизонтальных жердей. Маленькие деревни расположены на суглинистых моренных холмах. Глубокие лодцы оснащены воротами. В зоне Валдайского оледенения в этот ландшафт вписаны озера, самое выразительное из которых — озеро Селигер. Там есть и сосновые леса, но в ближнем Подмосквье такая деревня ассоциируется с ельниками. Северо-западный сектор культурного ландшафта в Московском регионе — самый обширный (около половины площади области), он обладает наибольшей экологической, рекреационной и эстетической ценностью. Этот сектор более других окрестностей Москвы известен и престижен, а потому быстрее всего разрушается новостройками.

⁵ Крылов М. П. Региональная идентичность в Европейской России. — М.: Новый хронограф, 2010.

⁶ Природное и сельскохозяйственное районирование СССР / Вопросы географии, сб. 55. — М.: Географгиз, 1961.

⁷ Солнцев Н. А. (ред.) и др. Морфологическая структура географического ландшафта. — М.: МГУ, 1962.

⁸ Родоман Б. Б. Пейзаж России // Родоман Б. Б. Поляризованная биосфера: Сборник статей. — Смоленск: Ойкумена, 2002. С. 240–273.

К востоку от Москвы, на Мещёрской низменности, тянущейся от московской реки Яузы до Оки в Касимове, среди сосновых боров на песках, перемежающихся с болотами, преобладают по-сибирски огромные многоуличные сёла. Здесь избы сдвоенны, они тесно стоят за высокими непрозрачными заборами из досок; у каждой пары изб есть свой П-образный полукрытый двор. Дымовые трубы на крыше круглые, первоначально они делались из меди или латуни, а сегодня преобладают бетонные. В этом секторе долго сохранялся обычай закрывать окна на зиму мхом на четверть или треть высоты. Заборы, ворота и кладбищенские кресты покрыты двускатными крышечками, а берёзки на песчаной улице окружены треугольными (в плане) заборчиками. Между проезжей серединой улицы и рядом посаженных берёзок стоит один на две-три избы несгораемый кирпичный сарай (амбар, лабаз?) для самых ценных вещей, с двойной дверью. Наружная железная дверь сухим летним днём открыта, чтобы добро проветривалось, а внутренняя решётчатая заперта на замок. (При пожароопасной почти городской тесноте этой сельской застройки иначе было нельзя). Сегодня эти постройки нередко используются под гаражи. Неглубокое залегание грунтовых вод позволяет применять колодцы с журавлями. В качестве стойки берётся сосна, раздвоенная в виде лиры. Этот сектор меньше всего освоен постсоветской «элитой». (Заметим, что и до революции 1917 г. здесь почти не было помещичьих усадеб⁹).

И, наконец, к югу от Москвы, на Москворецко-Окской эризонной равнине, простирается ареал «приречно-прибалочного» расселения, когда деревня состоит из двух рядов, по обе стороны от ручья или крохотной речки, обязательно превращённой в каскад прудов (до наших дней не всегда сохранившихся). Дома с четырёхскатными вальмовыми крышами вытянуты вдоль реки, вход со стороны улицы расположен посередине избы, справа и слева от него — две неравные по площади жилые половины, каждая со своей печью, а сени находятся между ними. Из них задняя дверь может вести во двор. Дома в малых городах этого ареала часто были такими же. В этих краях у путешественника, пересекающего плакоры, создается дивная иллюзия простора и ненаселенности: села упрятаны в долины, а обширные поля окаймлены байрачными лесами.

В исчезающих сёлах избы стоят настолько редко и так утопают в зелени, что буквально теряются из вида. Вы думаете, что уже вышли из села, а оказывается, набрали ещё на один дом. Вокруг — настоящие «джунгли» из бурьяна: огромные лопухи и грозный борщевик; у воды — развесистые и дулистые ивы. Прибалочные сёла словно мечтают распасться на хутора, а мещёрские, напротив, хотят собраться под одной крышей.

Известно, что в северной половине Западной Европы коньки крыш традиционных домов перпендикулярны улице, а в южной параллельны. (Возможно, что это как-то связано со снегом). Аналогичная граница, как ни странно, проходила и через Москву, чуть ли не через её центр. Прежние сёла Тушино, Ростокино, Богородское относились к северному типу ориентации домов, а Черёмушки, Чертаново, Зюзино, — к южному. Откуда такое совпадение? Оно могло бы заинтересовать и ши-

рокую публику, приученную думать, будто учёные занимаются разгадыванием загадок и тайн. Я полагаю, что вальмовые крыши при расселении в узких и крутосклонных речных долинах и балках лучше защищали от ветра, который благодаря особенностям рельефа всегда дул вдоль долины. Такие крыши были хорошо обтекаемыми. Тем более, что делались они раньше из соломы, а летом в Подмосковье обычны ураганы — главным образом в третьей декаде июня.

По-видимому, не случайно эти три сельских ландшафта сошлись в одной точке у стен древней Москвы, которая и выросла на стыке трёх природных областей, в точке взаимодействия трёх этносов или племён. Об этом говорят и древнейшие географические названия — водных объектов (гидронимы) и некоторых природных урочищ. В восточном (Мещёрском) секторе преобладают названия мордовские, в северо-западном (на Московской возвышенности) по большей мере принадлежат угро-финским языкам, а в южном секторе относятся отчасти к балтской языковой семье или к периоду, когда славянские и балтские языки ещё не были разделены.

Почти до конца XX в. странные региональные различия в архитектуре подмосковных сельских домов сохранялись и даже воспроизводились в кирпиче, бетоне и стекле, им не мешали телеантенны и гаражи. Искажали картину дачники и переселенцы из других областей, привлечённые для работы в совхозах взамен местных жителей, устроившихся в городах. В постсоветское время традиционную деревню уничтожают коттеджи москвичей.

5. Северяне и южане на Русской равнине

Постепенное исчезновение разительных отличий в сельском ландшафте Севера и Юга Центральной России и имевшая место в Подмосковье экспансия образцов застройки, направленная в самодельной народной архитектуре с севера на юг, а в советских хозяйственных сооружениях с юга на север, возможно, укрепляют гипотезу о двух русских субэтносах и о «географической асимметрии» российского культурного наследия.

Субэтнические различия между русским Севером и Югом хорошо известны в диалектологии (оканье и аканье), они прослеживаются и в топонимии, проливающей свет на этногенез. Как было отмечено, к северу от Москвы преобладают названия «угро-финские» (правильнее — финские, т. е. из финской языковой подсемьи; угры тут в большинстве случаев не при чём), а к югу — балто-славянские; южнее, на бывшем Диком Поле, встречаются тюркские. Это наводит на мысль о двух соответствующих главных субстратах русского этноса. В пользу такой гипотезы свидетельствует и описанная выше архитектура и планировка сельских поселений, сохранявшая черты глубокой древности до XX в. включительно.

Замечательная географическая асимметрия российского культурного наследия выражается в том, что только северная половина Европейской России выглядит носителем исконно русских черт культуры и ландшафта. В наиболее узком смысле слова, отчасти «узаконенном» и географами с их прежним экономическим районированием, Русским Севером считаются Мурманская, Архангельская, Вологодская области, республики Карелия и Коми, но в более широком понимании, желанном для русской интеллигенции, туда включены Костромская и

⁹ Чижков А. Б. Подмосковные усадьбы сегодня. Путеводитель с картой-схемой. Изд. 2-е. — М.: Пальмир, 2002.

РОДОМАН Борис Борисович / Boris RODOMAN

| Традиционный культурный ландшафт: основные проблемы типологии, районирования и воображения |

Ярославская области. И, наконец, судя по содержанию некоторых художественных выставок, в Русский Север входит всё, что расположено к северу от параллели Москвы — и Сергиев Посад с прилегающим к нему Радонежьем, и Владимир с Суздалем, и озеро Светлояр с «градом Китежем».

На северной половине страны размещаются почти все шедевры русской церковной архитектуры, там расположены малые родины и/или славные поприща большинства героев — «спасителей России» (Александра Невского, Сергия Радонежского, Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Ивана Сусанина). Современные либералы, опасаящиеся прослыть оголтелыми западниками и русофобами, ссылаются на прерванную традицию Псковской и Новгородской республик с их «кончанской демократией» (выражение услышано от В. И. Новодворской), а национал-патриоты видят на ближнем Севере примеры исконной духовной чистоты и соборности русского народа.

В XIX в. образ Русского Севера создавали художники, работавшие в подмосковном Абрамцево. В литературе их дело продолжили в XX в. писатели-деревенщики. Особняком стоят архангельские художники и литераторы (Б. В. Шергин, С. Г. Писахов), сочинившие свои, авторские варианты местного, поморского диалекта, и даже применявшие одно время особую орфографию. Но за пределами юго-восточных окраин России, овеванных казачьей романтикой (Ермак, Разин, Пугачёв; Дон, Кубань, Терек, Яик), какие столь же мощные мифы может противопоставить «героическому» и «духовному» Северу наш «промежуточный Юг» — Центрально-Чернозёмный край?

В современном «духовном ущемлении» российского Юга сказалось и постсоветское отторжение от Украины, граница которой с Россией проведена в 1918 г. искусственно и плохо отражает местные субэтнические реалии. Постепенный переход от «чисто русского» сельского ландшафта к «чисто украинскому» растянулся на несколько сот километров. Образ Русского Севера как эталон настоящей сельской местности является общероссийским достоянием (вспомним васнецовские избышки во всех детских городках), в то время как образы деревни Курской, Белгородской, Воронежской областей волнуют лишь местных краеведов и художников и в столице не популярны. Ввиду близости Украины и Кавказа, а также более позднего вхождения в Московское государство, южным регионам России фактически отказано в праве считаться эталонами «русскости».

Для явного предпочтения, отдаваемого русской культурой Северу, имеются веские историко-экономические основания. В веке классического крепостного права (1762–1861) на северной половине России преобладали (территориально) государственные и удельные крестьяне, а из крепостных — отпущенные на оброк. (Последним нужны были деньги для того чтобы выкупиться из неволи и завести своё прибыльное дело). А на старообрядцев была наложена двойная подать — отсюда и экономическое поведение, напоминающее о пресловутой «протестантской этике». Крепостной гнёт проложил дорогу свободному предпринимательству. Из оброчной системы и из старообрядчества вырос российский капитализм купцов и фабрикантов, тогда как на земледельческом юге господствовала барщина. Инициаторами предпринимательства и фабричной промышленности на юге и западе Центральной России чаще были помещики и дворяне, особенно немецкого происхожде-

ния. Отходники из Витебской и Смоленской губерний работали на стройках землекопами, тогда как ярославцы подвизались в качестве официантов и, в конце концов, сами становились владельцами ресторанов и гостиниц. В экономическом смысле (по возможностям заниматься ремеслом, извозом, торговлей) государственные и оброчные крестьяне накануне реформы 1861 г. были свободнее нынешнего (постсоветского) сельского и малгородского населения этих же краев, спрессованного бюрократией и криминалитетом. На земледельческом же чернозёмном юге крепостные крестьяне в царской России были настоящими рабами. Лишь в языке южане ещё в позапрошлые века отчасти взяли верх, навязав москвичам, а, стало быть, и всему литературному языку, аканье.

Похоже, что нынешняя Россия в целом не любит своего Юга (за исключением Краснодарского края) и, несмотря на жалобы и оправдания вековой отсталости из-за сурового климата, хочет видеть себя более северной — так сказать, благородно нордической. Это прекрасно показал анализ образа России на денежных знаках¹⁰.

Различия между северянами и южанами в нашей стране не дошли до явной гражданской войны, как в США, но проявились в подковёрной аппаратной борьбе за влияние и власть. Хозяева начавшие в СССР выходцы из южной, степной зоны мечтали «превратить Нечерноземье во вторую Кубань», они буквально разорили деревню многочисленными кампаниями с их плачевными экономическими последствиями (ликвидация крестьянского ремесла и отхожих промыслов, укрупнение колхозов и полей, навязывание зерновых культур, внедрение кукурузы и химических удобрений, уничтожение льноводства, ликвидация «бесперспективных» малых деревень и т. п.). Северяне, больше связанные с ВПК и силовыми структурами, правят сегодня в постсоветской России. Они приходят в чернозёмные края и на Кавказ с идеями и планами, родившимися на берегах Невы и в подмосковных дачных лесах.

Вооружённые силы в советское время были направлены прежде всего на оборону Москвы, расположенной в северной, лесистой половине европейской части нашей страны. Леса удобны для маскировки военных объектов. Рядом с секретными военными учреждениями размещались пионерские (детские) лагеря, построенные так, чтобы служить госпиталями и общежитиями для специалистов, эвакуированных из города. Под сенью сосен и елей спрятаны дачи советской и постсоветской «элиты». Поэтому не удивительно, что именно лесистый Север в конце концов победил как выразитель русского пейзажа. Я полагаю, что упрощённой, односторонней стандартизации образа России с перекосом в сторону «Русского Севера» следует избегать. Необходимо видеть бесконечное разнообразие российского ландшафта и выявлять его подлинно местные особенности в рамках тех районов, образы которых специально для этой цели должны быть нами сконструированы.

6. Восстановленный ландшафтный покров

Несмотря на исчезновение многих черт «натуральной деревни», наблюдатель может восстановить её облик и географиче-

¹⁰ Каганский В. Л. Главное свидетельство // Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. — М.: НЛО, 2001. С. 448–475.

ские ареалы распространения её типов по многим признакам. Эта операция напоминает реконструкцию полуразрушенного или вовсе исчезнувшего здания или поселения — по документам и данным археологии. Последовательными продуктами процесса возобновления утраченного могут быть мысленный образ, рисунок, чертёж, макет, новодел. Вместе с тем, научно-художественное восстановление облика сельской местности есть операция куда более субъективная и авторская, чем реконструкция отдельного здания или усадьбы. Ещё более проблематичными и субъективными будут классификации и районирование выделенных территориальных объектов. Здесь в ряде случаев придётся положиться на интуицию автора схемы и доверять ему так же, как доверяют архитектору, признавая его авторское право на создаваемое им здание или сооружение. Критерии истинности и ложности в этом случае, вероятно, не будут работать.

«Восстановленный ландшафтный покров» аналогичен «восстановленному растительному покрову». Прекрасным образцом может служить карта «Восстановленный растительный покров окрестностей Москвы»¹¹. На ней также прослеживаются три сектора, впоследствии замеченные географами в качестве более комплексных ареалов природного и культурного ландшафта. Но согласно работе В.В. Алёхина, вся местность к югу от Москвы покрыта дубовыми лесами, тогда как она вот уже несколько столетий на самом деле богата лишь мелколиственными рощами с незначительной примесью дуба. Восстановленный ландшафтный покров — картина палеогеографическая, если речь идёт о природном ландшафте, существовавшим до появления людей, или историко-географическая, если рассматривается ландшафт антропогенный. «Восстановлению» традиционного культурного ландшафта культурологи должны учиться не только у архитекторов и археологов, но и у геоботаников и палеогеографов.

Подлежащий образной реконструкции культурный ландшафт может восприниматься нами как прекрасный путем эстетической сепарации — мысленного отделения прекрасного от безобразного, с построением из важных для нас деталей некоторой «новой» благоприятной картины (изображающей прежний ландшафт, каким мы его вообразили). Изучение и восстановление культурного ландшафта — это работа с разного рода образами — в том числе с географическими, ландшафтными и т. п.

7. Районирование как дифференцированное высказывание

Гуманитарии, профессионально далёкие от географии, т. е. не знакомые с научными географическими методами, охотно будут рассуждать о реальной расплывчатости и, следовательно, о ненужности «искусственных», «надуманных» границ, о повсеместно существующих переходных зонах и о размытых, туманных множествах и сгустках отдельных объектов. Районирование же по своей природе дискретно и не допускает неопределённости. Районирование — это модельная дискретизация пространства, которое само по себе, «объективно», может быть

континуальным и/или дискретным в разной степени. Для формального, точного обозначения степени этой дискретности нет никакого иного пути, кроме как дробление на более мелкие, но такие же четко ограниченные подрайоны. Недостаток районирования — в том, что оно в значительной мере скрывает объективную континуальность и не позволяет до конца проверить, сильна ли она на самом деле. Достоинство его в том, что появляется возможность точнее привязывать наши слова и мысли к пространству. Отсутствие резких рубежей на местности не только не заставит настоящего географа прекратить попытки провести границу, но, напротив, сделает операцию разграничения более многовариантной и творческой.

Районирование — это способ взаимно-однозначной связи языка с географическим пространством. Географ делит земную поверхность на районы, чтобы о них что-то сказать. Безразмерные и предельно тонкие, иногда весьма условные границы на земле и на карте необходимы, потому что практическое мышление и деятельность людей подчиняются двузначной логике, ибо только она пригодна для принятия решений. Покупать или не покупать, ехать или не ехать, строить или не строить — выбор всегда основан на альтернативе. Прикладное значение культурно-исторического районирования состоит в том, что в его рамках собирается и сортируется информация о культурном ландшафте, на основе которой могут разрабатываться рекомендации, направленные на сохранение культурного и природного наследия.

В районировании следует различать процесс дифференциации пространства и результат процесса — статичную сетку районов, которую можно назвать районизацией. Она представляет собой не только расчленённое модельное пространство, но и соответственно расчленённое словесное высказывание, все части которого строго соотнесены с ареалами, очерченными на географической карте или на местности. Районизация — пространственно дифференцированное высказывание, тогда как периодизация — высказывание, дифференцированное по времени.

8. Районирование как географический образ

Двулучное зональное деление российского культурного ландшафта на южный и северный не противоречит выделенному нами делению на три подмосковных сектора или третьей «закономерности», выражающейся в чередовании полей и ополей, хотя и не согласуется с ними явно. Это разные типы классификации и районирования, соответствующие определенному географическому масштабу и связанные с разными историческими эпохами. В первом случае речь идёт о подразделении уже сложившегося русского этноса, во втором — о малых дославянских племенах, вероятно, бывших его субстратом, а в третьем — о местном территориальном разделении труда. Методология районирования путём пересечения территориальных ареалов, выделенных по различным основаниям (*principio divisionis*), разработана в физической географии, она, как представляется, может быть полезна и культурологам, работающим с образами пространства¹².

¹¹ Алёхин В. В. Геоботанические карты Московской области // Атлас Московской области. — М., 1934.

¹² Природное и сельскохозяйственное районирование СССР / Вопросы географии, сб. 55. — М.: Географгиз, 1961.

РОДОМАН Борис Борисович / Boris RODOMAN

| Традиционный культурный ландшафт: основные проблемы типологии, районирования и воображения |

Районирование территории есть прежде всего научный географический образ¹³. Но это не образ, существующий в массовом сознании и выявленный социологическими исследованиями, а персональное творение авторитетного исследователя, построившего свою концепцию, которую он внушает, навязывает своим ученикам. Таково районирование московской и ленинградской школ физической географии (Н. А. Гвоздецкий, А. Г. Исаченко) и ландшафтоведения (Н. А. Солнцев). Аналогичным образом созданы прототипы естественно-географических классификаций — систематика растений и животных К. Линнея, геологическая стратиграфия и хронология, почвоведение В. В. Докучаева. Биолог, геолог, почвовед, ландшафтовед обнаруживают именно те виды, слои, горизонты, фации, какие ему преподааны в его научной школе.

Ситуация до некоторой степени аналогична выделению цветов. Народы (этноты), говорящие на разных языках, обладают одинаковым физиологическим зрением, но делят (районируют) цветовой спектр по-разному (не совпадают границы

¹³ Замятин Д. Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. — Смоленск: Ойкумена, 1999.

объемов понятий и значений слов). Научные образы могут стать такими же важными инструментами, как созданные, установленные отдельными просветителями и учёными алфавиты, календари, системы цифр и единиц измерения, шкалы температур, морских волн и землетрясений и т. п. Они могут стать стандартом научного мышления до тех пор, пока не будет создана система более совершенная. Но надо учесть, что эти довольно примитивные примеры образного деления одномерных систем не дают представления обо всей сложности классификационных задач, стоящих перед географами.

Заинтересовать архитекторов и культурологов ареалами типов сельской местности и застройки, а не отдельными зданиями, усадьбами и поселениями, до сих пор не удалось. Не исследуется эта тема и в архитектурных вузах; она, по-видимому, относится к ведомству этнографии. Однако этногеографических карт, изображающих такого рода ареалы, автору статьи также не встречалось. Хотелось бы надеяться, что кто-нибудь из молодого поколения учёных сможет энергичнее внедрять в культурологию географические методы — районирование и типологическое картографирование.

